

Э. А. Тириагъян

ПИТИРИМ СОРОКИН: МОЙ УЧИТЕЛЬ И ПРОРОК СОВРЕМЕННОСТИ *

Предисловие

Для меня большая честь и удовольствие выступить на этом памятном собрании. Мы все приехали сюда из различных стран с различным историческим опытом, и это событие имеет разные значения для нашей жизни. Однако, собравшись здесь, мы сразу же объединяемся в единую интеллектуальную семью, полную чувств восхищения, любви и уважения к Питириму Александровичу Сорокину, который родился в глухой деревне в России 110 лет назад. Я уверен, что этот великий *провидец* — потому что Сорокин предвидел как наше время и условия человеческой жизни в период поздней модернизации, так и развитие социологии [1] — был бы очень рад, что его работа получила признание на родине. Больше всего он был бы удовлетворен тем, что его «возвращение на родину» способствовало стимуляции дальнейшего развития постсоветской, посткоммунистической социологии в Российской Федерации и СНГ. Более того, он знал из своего личного опыта и наблюдений, что нужно для того, чтобы социология могла играть конструктивную роль в перестройке российского общества в переходный, кризисный период.

Накануне революции, более 80 лет назад, социология в России только начиналась, и Сорокин, еще будучи студентом, занялся изучением права и обществоведения, и уже в возрасте 25 лет опубликовал работу «Преступление и кара». Ему довелось в последующие несколько лет стать свидетелем многих политических преступлений и наказаний, совершавшимися представителями новой власти. Я еще вернусь к этому вопросу, когда буду говорить о его исследованиях «поздней модернизации».

Когда он стал первым заведующим кафедрой социологии в Петроградском университете в 1919 г., он уже пережил, как и Достоевский, «опыт приговоренного к смертной казни». Я думаю, что американцы не могут представить, какие тяжкие испытания перенес Сорокин в период 1917—1921 гг., пережив опыт тюремного заключения и ужасы голода, что нередко, к сожалению, является уделом многих русских и сегодня.

* Доклад представлен на международном симпозиуме «Питири Сорокин и социокультурные тенденции нашего времени». Москва — Санкт-Петербург, 4–6 февраля 1999 г. Частично этот проект поддержан Центром славистики евроазиатских и восточноевропейских исследований Университета Дюка.

Тириагъян Эдвард А. — профессор факультета социологии Университета Дюка.
Адрес: Дэрхем, Северная Каролина 27708 (США).

Как мы знаем, Сорокин покинул свою родину в 1922 г., и с его отъездом, а также с отъездом Георгия Гурвича, его университетского товарища, который обосновался во Франции и фактически обновил французскую социологию в Сорбонне*, Россия потеряла двух великих социологов нашего века. Сейчас, на пороге нового века, признание Сорокина и его «социологии вчерашнего, сегодняшнего и завтрашнего дня», заимствуя фразу из его президентского обращения к Американской социологической ассоциации 1965 г. [3, р. 833–843], будет во многом способствовать ренессансу русской социологии. В свою очередь, согласно традиции, которая восходит к основателям нашей дисциплины Сен-Симону и Конту конечной миссии ренессанса социологии должна стать перестройка современного демократического общества России, которое не будет копией ни прошлого, ни какого-либо современного постиндустриального общества.

Но было бы претенциозно с моей стороны говорить о будущем России и русской социологии. Моя задача проще. Это, во-первых, поделиться своими краткими воспоминаниями о человеке, которого я знал в течение последних 15 лет его жизни, и, во-вторых, привлечь внимание к его поздним работам, которые конечно, нельзя сравнить с великими социологическими работами 1920—1940-х гг., и которые тем не менее удивительно современны. Нет сомнений, что Сорокин был социологическим гигантом, чьи пионерские исследования — «Социология революции», «Социальная мобильность», «Современные социологические теории» и, конечно, «Социальная и культурная динамика» (называю только наиболее выдающиеся) — очертили основные рамки для важных социологических проблем. Но хотя он был академическим профессором, он был также пророком, который чувствовал свою ответственность за состояние современного модернизированного общества, чтобы видел себя призванным критиковать и изобличать сложившиеся условия, тенденции и поведенческие модели, а также предупредить о последствиях и попытаться подготовить нас к преодолению ценностного кризиса поздней модернизации. Перечитывая его «мелкие» работы 1950-х и 1960-х гг., я был поражен тем, насколько они применимы, если не ко всему западному миру, то, по крайней мере, к США, как к стране, являющейся форпостом модернизма. Во второй части моего сообщения я коснусь того, что Сорокин говорил, в частности, о власти, сексе и морали, — темы, которые особенно актуальны для американской нации сегодня. Учитывая, что эта международная конференция внесет вклад в развитие связей между американской и русской социологией, я также хотел бы обсудить некоторые вещи, которые Сорокин говорил о США и о России, и здесь, я полагаю, он также был пророком.

Призвание пророка часто дорого обходится человеку, так как в повседневном мире институционализованного общества не любят тех, чей голос явля-

* Автобиографические заметки об этом см. у Джорджа Гурвича [2, с. 3–12]. Сорокин и Гурвич сохранили дружеские отношения на всю жизнь, что отражается в том, что Гурвич участвовал статьей «Социальная структура и множественность времен» в юбилейном издании в честь Сорокина, которое я подготовил в 1963 г. (*Sociological Theory, Values and Sociocultural Change*), а Сорокин написал вступление к работе Филиппа Боссермана, где он представлял социологию Гурвича («Диалектическая социология», 1968); это была одна из последних работ Сорокина.

ется «гласом вопиющего в пустыне», а Сорокин был таким глашатаем большую часть своей жизни. И он дорого платил за это.

Что касается личности Сорокина, я не думаю, что ему *нравилось* критиковать своих современников, будь то в области социологии или в других сферах. Однако его деятельность и печатные труды были критическими: он критиковал тенденцию западного общества к переходу в «состояние дегенерации», критиковал социальные элиты и критиковал то, что он называл «псевдонаучными» ориентациями социальной науки. В этом отношении Сорокин был резким и непримиримым и не старался быть вежливым со своими американскими коллегами, так же как это делали Торстейн Веблен за поколение до него или С. Райт Миллс*. Он не был человеком *склочным*, как некоторые пророки; он был одновременно человеком *страстным* и человеком *сострадающим*. Поэтому позвольте мне вернуться назад и рассказать кое-что о моих встречах с Сорокиным, а затем я поделюсь с вами тем, что я считаю наиболее важным, что имеет значение для нашей ситуации «поздней модернизации».

I. Сорокин: первые встречи

Моя первая встреча с Сорокиным произошла осенью 1952 г., когда я стал аспирантом на факультете человеческих отношений Гарвардского университета. К 1950-м гг. Сорокин уже не преподавал (не вел курсы лекций и семинаров), но существовал обычай, когда раз в неделю аспиранты по социологии собирались, чтобы встретиться со светилами факультета, которые спускались с олимпийских высот по этому случаю и выпивали стаканчик вина с неофитами. Во время моей учебы я уже прочитал некоторые работы Сорокина и, вероятно, намеревался в эти первые осенние недели написать докторскую диссертацию на уровне его «Социальной и культурной динамики», этого «блестящего опуса» (*magnum opus*). Амбициозный замысел написать зрелую работу, не характерную для начинающего ученого, — и было оправданием выбора меня аспирантом ведущей кафедры страны, *ad astra per aspera*. Я поделился этим замыслом с другими аспирантами из моей когорты.

Каково же было мое удивление, когда Сорокин, посмотрев на нас — сначала на каждого из нас, а затем на всех вместе, — улыбнулся и сказал: «Дамы и господа, если я могу дать вам полезный совет, который другие вам не дадут, то это совет написать вашу диссертацию как можно быстрее и как можно лучше. Для диссертации выберите небольшую тему исследования, делайте ее хорошо, но не тратьте на нее много времени. Получите свою профсоюзную карту, которой является докторская степень, и уже *потом*, после этого, делайте что-то серьезное и стоящее!»

* Хотя я не могу подробно рассматривать это здесь, интересная глава американской «критической социальной теории» еще должна быть написана, где будет проведено сравнение и конвергенция между Сорокиным и Миллсом в 1950—1960-е гг. и рассмотрена их общая критика псевдоисторических недостатков доминировавшей тогда теории «социологического воображения», а также их обвинения в адрес американской «властвующей элиты» и ее вовлеченности в войну против стран Третьего мира, такую, как вьетнамская война.

Я был поражен, поскольку ожидал, что Сорокин настроит нас на выбор для диссертации крупной проблемы, но эти его слова изменили мою исследовательскую ориентацию, и я действительно получил свою профессиональную карту довольно скоро.

После этой короткой встречи я не предполагал, что мне представится случай снова встретиться с Питиримом Сорокиным, но судьба распорядилась иначе. В начале второго года моей аспирантуры, осенью 1953 г., я обратился к директору по аспирантуре Гордону У. Олпорту (который был хорошим другом Сорокина), чтобы узнать, какое финансирование будет у меня на следующий год. Его секретарь сообщила мне, что я получил грант на преподавание, и добавила, что в следующий семестр я назначен ассистентом-преподавателем у Сорокина на его курсе по истории социологической мысли. Может показаться странным в этой аудитории, но ее слова прозвучали для меня как приглашение в чистилище. Она добавила, что на следующий весенний семестр, когда меня прикрепят к кому-нибудь другому, я буду вознагражден.

В 1950-е гг. Сорокин являл собой на кафедре образ интересного, но маргинального человека, который прежде написал несколько очень хороших социологических работ, таких как «Социальная мобильность» и «Современные социологические теории», но затем, в своих более поздних работах, удалился не в социологию, а скорее, в социальную философию, мало полезную для аспирантов. И, кроме того, в 1950-е гг. была оптимистическая вера в американское общество и социологию. После второй мировой войны было стремление перестроить социологию, совершить великие дела, и поэтому кто обращал внимание на пожилого человека, который возмущался состоянием вещей в мире и занялся исследованием такой не социологической проблемы, как альтруизм?

И все-таки работа ассистентом-преподавателем на этом курсе была наиболее счастливым событием моей академической жизни. Его громадная эрудиция, его лекции были незаменимым и ценным источником для меня. Внимание Сорокина ко мне было своего рода наградой. Был случай, когда в самом начале семестра он заметил меня. Накануне одной из его лекций он простудился и у него сел голос. Его секретарь позвонила мне и сказала, что если я не захочу заменить его и прочитать лекцию, он сможет это сделать на следующий день, а я должен объявить классу, что лекция переносится из-за болезни проф. Сорокина. Я спросил, какова тема лекции, и секретарь сказала: «Герберт Спенсер». В 1950-е гг. Спенсера уже не читали и не преподавали студентам социологии.* Но я сказал, что, конечно, буду рад прочитать эту лекцию. Я бросился в Гарвардскую библиотеку, лихорадочно прочитал все написанное Спенсером и о Спенсере, что удалось достать, и дал лекцию на следующий день. Очевидно, это было не очень плохо, потому что слухи об этой лекции дошли до профессора Сорокина, и он пригласил меня в свой кабинет, чтобы поговорить о моих науч-

* Талкотт Парсонс привел в начале своей книги «Структура социального действия» (которая впервые была опубликована в 1937 г., в том же году, когда вышел первый том «Социальной и культурной динамики») знаменитую цитату известного гарвардского историка Крейна Бринтона: «Кто читает сегодня Спенсера?». Этого было достаточно, чтобы аспиранты не трудились читать что-либо об этом британском социологе.

ных интересах. Он был рад узнать, что я интересуюсь философией и историей, и, прежде чем закончился семестр, проявил неожиданное гостеприимство*, пригласив меня (и мою невесту) к себе домой в Винчестер, где мы имели удовольствие познакомиться с Еленой Сорокиной, которая сама была замечательным ученым.

Было много событий, встреч, дел, которые способствовали развитию моих отношений с Сорокиным и переросли в дружбу на всю жизнь. Я скоро стал ценить его как одного из самых мощных интеллектуалов, когда-либо виденных мною. И вероятно, именно это его качество давало ему превосходство по сравнению с его соперником по кафедре Талкоттом Парсонсом (также обладавшим мощным интеллектом). Очевидно, аспирант социологии не мог сравняться интеллектуально с Сорокиным: он просто знал так много и обладал такой силой убеждения, что можно было только слушать его благоговейно, что можно было предложить ему в качестве интеллектуального обмена. Я, видимо, чувствовал бы такое же благоговение в присутствии Макса Вебера. Парсонс же, напротив, казалось, стремился интеллектуально сотрудничать со своими студентами (и фактически, со многими студентами других дисциплин), и он стал консультантом моей диссертации (насколько мне известно, Сорокин не руководил и не консультировал докторские диссертации в период перед уходом в отставку).

Теоретически история дипломатии была мне известна со студенческих времен из курса одного блестящего историка, но моя аспирантура в Гарварде дала мне замечательный практический опыт дипломатии, когда мне пришлось балансировать между моим руководителем диссертации Талкоттом Парсонсом и Питиримом Сорокиным, моим старшим другом. Пробным камнем этого балансирования было распространение Сорокиным на факультете десятистрочного документа, в котором он рассматривал «Сходства и различия между двумя социологическими системами». Проводя сравнение между работой Парсонса «Социальная система» и ранее опубликованными работами Сорокина, читатель этого документа, который можно было назвать, заимствуя идею у Достоевского «Социологические записки из подполья», мог сделать вывод, что Парсонсу не удалось бы оправдаться перед Сорокиным за поразительное сходство концептуальных схем. Я не буду больше распространяться об этом эпизоде, но я помню, как мне было грустно, что эти два гиганта социологической теории сталкивались между собой.

Это, конечно, было проверкой моих дипломатических способностей взаимодействия с обоими учеными, притом что каждый из них знал, что я поддерживаю отношения с другим.

* Были и другие благожелательные жесты Сорокин однажды позвал меня к себе в кабинет и сказал, что его друг, который заведовал кафедрой в Университете Дюка, написал ему о том, что у него есть вакансия ассистента, и просил порекомендовать ему кого-либо. Сорокин спросил меня, хочу ли я получить эту работу. Я был очень польщен, но сказал ему, что отказываюсь (я не слышал ничего об Университете Дюка в то время!), потому что я всего лишь аспирант второго года обучения и еще не сдал экзамены и не закончил курсовую работу. Сорокин согласился, что было бы не разумно принять предложение. По странному совпадению оказалось, что тогда я впервые услышал о том месте, где провел большую часть времени моей академической карьеры.

Оставим воспоминания и перейдем к основной проблеме: в чем актуальность Сорокина в сегодняшний период «поздней модернизации»?

II. Актуальность идей Сорокина

Острое чувство социокультурных изменений, сформировавшееся у Сорокина в эпоху безмерного роста насильственных действий, свидетелем которой он был и которую изучал объективно, позволило ему сделать анализ «глубинных структур», которые лежат в основе широкомасштабных общественных систем, а также поставить диагноз будущих тенденций. Он являл собой пример того, что И. Райт Миллс считал необходимым для «социологического воображения» [4].

На общем уровне труды Сорокина сегодня — это стимул для социологического воображения, *потому что очень многие его работы предвосхищают основные и наиболее значительные аспекты нашей сегодняшней ситуации*. Более того, вызов социологам, брошенный в работе «Россия и Соединенные Штаты», — это кристаллизация его идеи, которую можно назвать «исследовательской программой по интегральной социологии». Отправной точкой должен быть подход Сорокина, который принимает за сравнительную единицу макроанализа цивилизацию, а не страну-государство. Структурный и динамический анализ цивилизаций *и их интерпретации на примере в огромного множества разных процессов глобализации* дают громадное поле для сравнительных исследований. Это особенно справедливо для США и России, поскольку обе эти страны были и продолжают быть подверженными влиянию многих цивилизаций в результате как прежних территориальных завоеваний, так и современной иммиграции.

Несколько лет назад известный американский политолог Самуэль Хантингтон выдвинул идею, что после «холодной войны» наступает новый международный порядок, состоящий из цивилизаций, а не из государств, которые конкурируют за ресурсы модернизации; и он признает приоритет Сорокина в изучении цивилизаций [5]. Я согласен с Хантингтоном в том, что настало время, когда «цивилизация» должна стать стратегической единицей макроанализа, потому что она является крупномасштабной социокультурной единицей в нашем «глобальном веке». Эта единица анализа имеет больше смысла, чем страна-государство, которая была основной макроединицей анализа (даже в так называемом «анализе мировой системы», которому недостает культурной специфики и дифференциации). Но Сорокин, вероятно, не согласился бы с дальнейшим рассуждением Хантингтона, что различные цивилизации — например, западная, исламская или конфуцианская — имеют фундаментально нулевой результат в конкуренции друг с другом за ресурсы модернизации. Если я верно прочитал Хантингтона, он, кажется, сделал вывод, что самой лучшей политикой для США и для Запада является отказ от вторжения в другие цивилизации и от влияния на них, так, чтобы избежать глобального конфликта. Я не думаю, что это возможно при теперешних процессах глобализации, так как, например, ислам существует не только вне Запада, но также и все больше внутри Запада (североафриканские и турецкие иммигранты, осевшие в Германии, Франции и т. д.), ислам также существует и в Восточной Европе (на Балканах), и в бывшем Советском Союзе.

Я думаю, что Сорокин предложил бы в качестве новой исследовательской программы с помощью «интегральной социологии», после тщательного сравнительного и исторического исследования, рассмотрение происходящего культурного синтеза интерактивных цивилизаций, и скорее созидательные, чем деструктивные контакты. Такие контакты могли бы затем стать основой новых «идеациональных», или «идеалистических», форм социокультурных моделей, которые, как предвидел Сорокин, придут на смену старым в новом столетии и заменят уже истощенную «чувственную» цивилизацию.

В работах Сорокина я хотел бы привлечь ваше внимание к нескольким специфическим проблемам. Во-первых, в отличие от некоторых секуляризационных пророков периода «поздней модернизации», которые смотрели на этот период с глубоким пессимизмом из-за неизлечимых пороков самой модернизации, Сорокин видел «свет в конце туннеля», потенциал для нового витка культурного роста и развития. Во-вторых, и это связано с первым, хотя Сорокин хорошо понимал в 1930-е гг. деструктивные возможности новых войн и других стихийных бедствий, вызванных деятельностью человека, он также и после войны в 1950—1960-х гг. не видел социокультурной основы для конфликта между Советским Союзом и США; нет нужды говорить, что это было время, когда «холодная война» была главным способом международных отношений, включавшим очень много опасений и предчувствия в недалеком будущем многих катаклизмов между этими двумя странами.

Сорокин, который умер в 1968 г., не предвидел распада Советского Союза, но тогда никто этого не предвидел. Но я хотел бы упомянуть, что он в своем первом исследовании дал убедительный анализ того, что США и Россия *имеют очень много сходства и что они скорее будут друзьями, чем врагами*. Хотя это было написано в 1944 г., когда США и Россия были номинально союзниками в войне против держав Оси, уже тогда начало появляться некоторое недоверие, и Сорокин написал работу «Россия и Соединенные Штаты» [6], чувствуя, что это недоверие, основанное на якобы культурных и других различиях, могло иметь отрицательные последствия и должно быть скорректировано путем социологического изучения сходства двух стран.

III. Россия и Соединенные Штаты (1944)

Социологические исследования Соединенных Штатов имеют тенденцию подчеркивать американскую «исключительность» (линия анализа, которая восходит к Алексису де Токвиллю и его ключевой работе «Демократия в Америке»), либо проводят сравнения с другими англо-саксонскими странами, с которыми они имеют общее наследие, в частности, с Канадой [7]. Намного опередив время, Сорокин в своем сравнительном исследовании США и России, хотя и выделяет некоторые мелкие различия, высвечивает довольно удивительное сходство в ценностях и институтах обеих стран, начиная с фактического утверждения того, что эти две страны никогда не воевали друг с другом за всю историю США; анализ привел к выводу о возможности прочного мира между двумя странами. Нет нужды говорить, что в течение почти полувека большинство «экспертов» по русско-американским вопросам ожидали совершенно иного результата, и мы все очень рады, что Сорокин оказался прав. Это сравнитель-

ное исследование, сделанное в 1944 г., должно быть заново «открыто» новым поколением американских и русских социологов, которым любопытно узнать о «другой» стране.

Сорокин анализирует структурные факторы, лежащие в основе нерушимого мира, и этим он проявляет свое знание «изнутри» российской и американской истории, русских и американских социальных институтов. Обе страны, указывает он, характеризуются *единством разнообразия*. Это сплоченное социальное целое, основанное на этнической и расовой гетерогенности, которая способствует культурному богатству и многообразию [6, с. 33]. Как в США произошла отмена рабства в 1860-х гг., так и в России в 1861 г. было отменено крепостное право. Сорокин развенчивает различные мифы о России, начиная с «мифа о беспощадном угнетении» этническими русскими других народов [6, с. 38] и кончая мифом о мистической, непрактичной «русской душе», которая является полной противоположностью рациональной, расчетливой, неэмоциональной «американской души» [6, с. 48]. Вероятно, еще более пронизательным был его вывод о коренном сходстве «в *существовании демократической структуры основных социокультурных институтов*» [6, с. 63]. Иностранцы наблюдатели России — дотатарского и посттатарского периодов, и особенно второй половины XIX в. и даже настоящего (вспомним, что это было написано в 1944 г.), послереволюционного, периода, — преувеличивали автократический аспект режимов в России, вплоть до уровня семьи. Сорокин обсуждает корни хозяйственно-демократической природы крестьянской системы, политически представленной *миром* и — после 1861 г. — местным провинциальным и муниципальным самоуправлением — *земством* [6, с. 75]. С IX до XX в., отмечает он, политическая система России была по своему функционированию демократической, так же как и большинство европейских стран; и там, где царский режим проявлял автократические тенденции, это было результатом германского влияния, подражания автократии Фридриха Великого» [6, с. 89].

Россия, как и США, после 1860-х гг. вступила в период большой модернизации, означающей становление общества, в котором *все граждане равны перед законом*, создание возможности социальных достижений в соответствии с талантом.

Согласно конституции 1906 г., в довоенной России были даны основные демократические свободы [6, с. 133], а также значительный социальный (в вопросах здравоохранения и образования) и экономический прогресс (включая рост уровня жизни и дохода на душу населения), который почти был равен уровню США [6, с. 143] *.

Коммунистическая революция была неожиданным шагом назад, вину за который Сорокин возлагал в основном на таких преступников, как Троцкий, Рыков, Каменев и Зиновьев [6, с. 207], но эта деструктивная фаза революции закончилась термидорианской реакцией в виде «политических чисток» 1930-х гг. Он считал, что подспудные демократические тенденции российского общества

* Я встретил интересное подтверждение этому в докладе французского экономиста Эдмона Тьерри [8, р. 261], который заключает свой доклад утверждением, что происходящее в России — это «великая экономическая реформа».

стали возрождаться и это будет продолжаться и после войны. США и Россия должны осознавать свою совместимость и даже взаимную дополняемость: Соединенные Штаты должны влиять на Россию, с тем чтобы она покончила с нарушениями прав человека, тогда как Россия должна обогащать культуру, особенно искусства и науки в США [6, с. 210]; и обе страны должны сотрудничать, чтобы построить новый мировой порядок без войн [с. 211]. В заключение Сорокин выдвигает в качестве условия длительного мира реинтеграцию и переоценку современных материалистических ценностей, распространение обязательных норм и ценностей на все государства, ограничение государственного суверенитета в отношении войны и мира и установление высшей международной власти, облеченной правом принимать обязательные и поддержанные силой решения всех международных конфликтов [с. 235].

IV. Основные тенденции нашего времени (1964)

Сорокин начинает с диагноза трех долговременных тенденций нашей продвинутой модернизации. Во-первых, за многие годы до других исследователей Сорокин заметил, что центр творческого лидерства смещается с Европейского Запада через Атлантический океан на более широкий регион Тихого океана [6, с. 13]*. Этот эпохальный сдвиг принес «возрождение великих культур Индии, Китая, Японии, Индонезии и исламского мира» [с. 15]. Вторая секуляристическая тенденция — это упадок и разрушение доминирующей чувственной культуры и систем ценностей Запада. Третья тенденция — это эмбриональное зарождение нового «интегрального» порядка в обществе, ценностей и личности. Здесь он в сжатой форме представил большую часть того, что есть в работе «Социальная и культурная динамика», и его обсуждение первой тенденции предвосхитило всплеск недавнего интереса к «постколониальным исследованиям», которые дают слово не-западным культурам. Он отметил расширение научно-технического поля среди азиатских и африканских народов; расширение их креативного лидерства (отраженное в международных призах и наградах за выдающиеся достижения); растущее влияние на Запад восточных философий, религий, этических, легальных и художественных ценностей и т. п. [6, с. 65–67].

В качестве альтернативы раздельного цивилизационного развития он выдвинул идею невраждебного взаимодействия между Востоком и Западом, новый, дополняющий, комплиментарный, «интегральный» порядок. Для Запада этот новый «интегральный» порядок потребует возрастания «спиритуализации» и «идеализации» западного мира путем «забвения чувственных псевдореальностей и превознесения вечных и универсальных чувственных ценностей» [с. 71]; для восточных народов первоочередным вопросом является значительное улучшение материального положения масс [там же]. В сущности, есть настоятельная необходимость обновить существующие суперкультурные системы человечества, которые сейчас представляют собой «дезинтегрирующий чув-

* Я не отметил предвидение Сорокина, когда писал статью [9, р. 131–147]. Не заметил этого и Андре Гундер Франк в его более поздней работе о перспективе сдвига с Запада на Восток [10].

ственный порядок Запада» и «окаменевший идеалистический порядок Востока» [6, с. 71]. Существует возможность в качестве альтернативы катастрофической дезинтеграции двух больших цивилизационных систем построить новый «интегральный» порядок, соединяющий творческие ресурсы обеих систем. Этот новый порядок, добавлял он, может развиваться только при условии отсутствия самоубийственной глобальной войны.

Лейтмотив Сорокина об «интегральном» порядке звучит также и позднее, там, где он вновь обсуждает вопрос о конвергенции между США и Советским Союзом. Вспомним, что в то время, когда он писал это, был пик «холодной войны» и конфронтации СССР и США в ООН, и каждая сторона считала, что будущее принадлежит ей. Сорокин предполагает, что если войны удастся избежать, в будущем доминирующей формой общества и культуры будет не капиталистическая, не коммунистическая, а, скорее, промежуточная, интегральный тип между капиталистическим и коммунистическим порядками и образам жизни [6, с. 78]. Этот новый тип будет иметь унифицированную систему интегральных культурных ценностей, социальных институтов и типов личностей, существенно отличных от капиталистических и коммунистических моделей.

Далее Сорокин в деталях рассматривает основные черты конвергенции, происходящей между двумя мирами, которые в значительной степени соответствуют его работе 1944 г., с некоторым обновлением материалов.

Меня могут спросить, как его видение поздней стадии модернизации выдерживает проверку временем.

С одной стороны, Сорокин, как и остальные, не предвидел бескровную «победу» капитализма над коммунизмом. Так, в течение последних десяти лет казалось, что мир (или, по крайней мере, властные элиты) стремится к переходу к рыночной экономике путем «приватизации» того, что раньше было «национализировано». Но я не уверен, что мы не наблюдаем сейчас эхо деструктивной фазы коммунистической революции, когда банда Троцкого и других пыталась сделать революцию перманентной и интернациональной за счет местных условий; и была термидорианская реакция, как вы помните, вызванная деградацией жизни и ухудшением условий жизни. Я думаю, что, возможно, будет серия термидорианских переворотов в разных частях света, но без возврата к политической автократии прежних режимов. И эти термидоры могут быть вызваны новыми движениями национального самосознания, секуляристскими или религиозными движениями или какими-то новыми переходными формами апелляции к совести или социальной справедливости, о чем говорил недавно Папа Римский, призывая простить долги Третьего мира в год юбилея Христианства.

Но Сорокин был прав, рассматривая США и Советский Союз как государства, проявляющие все больше сходства, несмотря на идеологические заявления. В этой книге, как и раньше, он предвидел все увеличивающуюся *поляризацию* мира, но эта поляризация — явление внутри поздней «чувственной» цивилизации, когда с ускорением процесса распада и декаданса население становится все более поляризованным. *На негативном полюсе имеет место* все большая деморализация в межгрупповых и межличностных отношениях, моральный цинизм, коррупция и вульгарный сексуализм [6, с. 141], отражающи-

еся в резком росте разводов, добрачного и внебрачного секса. Вот как Сорокин пишет об этом: «Мы, в действительности, живем в век огромной негативной моральной поляризации, которую вряд ли можно найти в истории человечества» [6, с. 141].

Но эта негативная поляризация также производит положительную поляризацию, например, в форме неинституционализированной религиозности и интенсивного поиска лучшей реальности и высших ценностей, или окончания длительных ссор между конфессиями и поиска объединения религий, или альтруизма (Сорокин высоко оценил бы работу Матери Терезы «Медицина без границ» в этом контексте), или освобождения народов от колонизации.

Еще раз хочу сказать, что Сорокин здесь выдвинул эвристичную концептуальную схему в виде идеи моральной поляризации — сильно отличающейся от марксистского понятия поляризации как ситуации классового конфликта. Но эта схема должна быть частью исследовательской программы изучения поздней стадии модернизации: тщательная оценка компонентов позитивной и негативной поляризации, которые можно изучать и внутри стран — например, США и России, и в глобальном масштабе.

V. Американская сексуальная революция (1956) Власть и мораль. Кто будет охранять охранников? (1959)

Теперь я рассмотрю две «маленькие», но в высшей степени релевантные и актуальные работы, опубликованные с небольшим промежутком времени. Вероятно, ничто не может служить лучшим примером ускоряющегося упадка «чувственной» культуры, чем радикальное ослабление сексуальной морали, с одной стороны, и рост преступности правителей, с усилением их власти, — с другой. В этих двух полемических и острых работах Сорокин коснулся того, что я считаю огромными «черными дырами» 1990-х гг., актуальных в США как нигде.

Непосредственным толчком для работы «Американская сексуальная революция» послужила публикация доклада Кинзи о сексуальном поведении американцев (достоверность данных этого доклада подвергалась сомнению). Но Сорокин пошел дальше, проработав исторические документы прошлого и настоящего, чтобы показать появление «аморального общества». Он внимательно рассмотрел негативные социальные последствия сексуальной анархии, влияющие на семью, на искусство и на такие институты, как право. Он утверждал, что «когда... сексуальное моральное разложение с его зловещими спутниками уже глубоко внедрилось в коллективный ум и тело общества, в его поведение и культуру, в его социальные институты и в образ жизни, общество редко добивается успеха в прекращении сползания к катастрофе, и, как правило, оно скользит к самой страшной катастрофе» [6, с. 75].

И далее, Сорокин предупреждает, что «наша сексуальная свобода начинает распространяться за границы безопасности, начинает деградировать до анархии» [с. 132]. Эта «сексуальная анархия» проявляется в быстром росте разводов, уходов из семьи, добрачных и внебрачных отношений; граница между законным браком и внебрачной связью все более стирается [там же].

Глядя назад, на 1950-е гг., кажется, что это был довольно умеренный прогноз американской культурной жизни, и, конечно, сегодняшние «Бумер-поко-

ление» и «Икс-поколение» посчитали бы тогдашнюю сексуальную жизнь американцев далекой от «сексуальной анархии». Действительно, большинство американцев моложе 60 лет не приняли и не признали бы наши сегодняшние формы выражения сексуальности в средствах массовой информации и в социальных отношениях как часть «сексуальной анархии» или того, что Дюркгейм называл «сексуальной аномией» [11, р. 1025–1053]*. Если бы Сорокин вернулся сегодня на американскую сцену, он обнаружил бы, что сбылись его самые худшие опасения относительно роста «сексуальной анархии»: рост количества внебрачных детей (термин, возможно, не совсем политически корректный), частота разводов (вред которых для детей еще должен быть оценен), поскольку ответственность семьи отступает на второй план перед «более удовлетворительными сексуальными отношениями»; обнаженность и симуляция совокупления становятся характеристиками фильмов типа «R», детская порнография, и последнее, но не менее важное, факт огромного внимания и сочувствия требованиям гомосексуалов получить те же права и льготы, которые имеют остальные: в церковном браке, на работе и т. д. Короче говоря, «сексуальные предпочтения», кажется, дают почти неограниченную степень свободы. В предпоследней главе Сорокин, видя, что американская сексуальная революция, кажется, сползает к курсу полной вседозволенности, пишет: «Нет ни одной общенациональной образовательной программы, которая показывала бы нашим гражданам мрачные последствия гипертрофированной сексуальной свободы. Не была развернута борьба с промискуитетом, добрачными и внебрачными отношениями, разводами и распадом семей» [6, с. 131].

Следует добавить, что сегодня сексуальное образование в системе общественных школ, распространенное даже и ниже возраста teen-age, пропагандирует не абстиненцию, а «безопасный секс» путем инструкции, как пользоваться презервативами, и раздачей их. Когда Сорокин писал это, в американском (и советском) обществе существовал идеал целомудрия и моногамии, даже если и были нарушения этого идеала, — сегодня в США девушка-старшеклассница или студентка колледжа, говорящая «нет», — это скорее отклонение от нормы, принятой у сверстников, чем правило.

Какова же цена? Сорокин предвидел ужасные последствия проникновения в нашу культуру и социальные отношения «сексуальной анархии». Действительно, «у нас тенденция к сексуальной анархии еще не принесла катастрофических последствий. Но тем не менее синдромы серьезной болезни уже появились» [6, с. 133].

Вероятно, Сорокин увидел ранние признаки распространения инфекций, болезней, которые передаются половым путем. Но глобальная эпидемия СПИДа, которая возникла внезапно в 1980-е гг. в «сексуальной анархии» «голубой» культуры в крупных городских районах (в барах, банях и т. п.), явилась чумой в истории человечества, которая распространилась из центров цивилизации в страны Третьего мира и особенно поразила районы Африки к югу от Сахары, где от четверти до трети взрослого населения заражены вирусом СПИД. Нет необходимости говорить о том, что смертельный вирус распространяется (от-

* Что касается последствий «сексуальной аномии», я обращаюсь к этому вопросу в специальной работе [12].

части из-за шприцев) и на гетеросексуалов, например, — больных гемофилией, получивших зараженную кровь путем инъекций, жен бисексуальных мужей, детей, заразившихся в утробе матери.

Сорокин был бы весьма огорчен этим, так как известно его чувство сострадания людям, но он не был бы удивлен этими ужасными последствиями «сексуальной анархии».

Что касается морали власть имущих, со своим бывшим студентом Уолтером Ланденом Сорокин провел представительное исследование, в котором он предупредил об опасности все увеличивающейся концентрации власти в наше время. Так же, как и в прежние времена, усиление этой концентрации ведет к злоупотреблению, безответственности и к использованию разрушительного оружия.

Конечно, мы сейчас живем в период, когда концентрация экономической и политической власти достигает еще более высокого уровня, чем тогда, когда Сорокин писал это. На Западе мы каждый день читаем о «союзах» между гигантскими корпорациями с «миллиардными» активами. Факты концентрации капитала стали общей точкой в жизни западных стран (как внутри стран, так и между ними). Подразумевается, что это делается для выгоды держателей акций, чтобы «повысить их ценность», но человеческая цена здесь не учитывается, так как доходы этих корпоративных объединений прежде всего приводят к увольнению рабочих, труд которых становится ненужным. Сложившийся было общественный договор о гарантии занятости на всю жизнь взамен мира и стабильности со стороны рабочих, который де-факто существовал во многих индустриальных странах, теперь утрачивает силу.

Сорокин также говорил о правителях, которые сегодня бесконтрольно применяют оружие массового уничтожения. Он был одним из первых и твердых оппонентов вьетнамской войны и был против бомбардировок и химического оружия, применявшегося Соединенными Штатами. Его смелая критика войны была важным фактором того, что студенты социологии вновь открыли его и восприняли его как икону на конгрессе Американской Социологической ассоциации в Сан-Франциско в 1969 г. Я там был и стоял под лозунгом «Сорокин жив!» на встрече, которую «радикальные» студенты организовали на социологической конференции, посвященной памяти Сорокина.

Что сказал бы Сорокин сегодня об американских бомбардировках гражданских целей в Судане (фармацевтический завод) и посылке «умных бомб» в другую исламскую страну — Ирак, который якобы имеет оружие массового уничтожения? Молчаливая война Соединенных Штатов против «демонизированного» правителя и фактическая «холодная война» против Ирана — это характерные черты американской политики, которую Сорокин вряд ли одобрил бы.

На самом деле сейчас, когда я обращаюсь к этой аудитории, мир является свидетелем жалкого спектакля об импичменте американского президента. Сорокин, казалось, имел доступ к волшебному хрустальному шару, когда он писал в «Американской сексуальной революции»: «...секс в различных формах теперь является постоянным и необходимым компонентом нашей политической жизни» [6, с. 50].

Опросы общественного мнения в США показывают, что американская общественность, с одной стороны, знает о моральном разложении высших долж-

ностных лиц в республике, а с другой — экономическое процветание страны заставляет принять позицию «страуса, прячущего голову в песок» для того, чтобы не потревожить мир и покой. Наверное, можно ожидать, что в период ускоренного упадка чувств публика предпочтет либерализацию аскетизму. Этот факт послужит лучшим подтверждением того, что большая часть его анализа периода «поздней модернизации» до сих пор справедлива.

Да, как я и предполагал, Сорокин предвидел, что за этой стадией деморализации будет новый, более здоровый «интегральный» период, как в политическом, так и в социальном развитии, и, конечно, как он говорил в своем президентском обращении к Американской Социологической ассоциации в 1965 г., этот переход будет способствовать расцвету в социологии в следующей творческой фазе, которая будет называться «интегральной социологией». Я думаю, есть причина, почему сама тема «интегрального» ренессанса социологии может найти особый интерес на русской почве, но также и на американской почве, поскольку обе эти почвы культурно богаты. Но это должна быть часть будущего научного исследования, опирающегося на наследие Питирима Сорокина.

*Перевод с английского Г. Е. Полторановой
Под редакцией В. В. Козловского*

Литература

1. Donald N. Levin. Visions of the Sociological Tradition. Chicago: University Press of Chicago, 1995.
2. Gurvitch G. Mon itinéraire intellectuel ou l'exclu de la horde // L'homme et la société. № 1. July-September, 1966.
3. «Sociology of Yesterday, Today and Tomorrow» — президентский адрес на ежегодном конгрессе Американской Социологической ассоциации. Чикаго, сентябрь, 1965 г. // American Sociological Review. 1965. Vol. 30. № 6.
4. Mills C. W. The Sociological Imagination. New York: Oxford University Press, 1959.
5. Huntington S. P. The Clash of Civilization and the Remaking of the World Order. New York: Simon & Schuster, 1996.
6. Russia and the United States. New York: E.P. Dutton and Go, 1944.
7. Lipset S. M. Continental Divide: the values and institutions of the United States and Canada. New York: Routledge, 1990.
8. Théry E. La Transformation économique de la Russie // l'Economiste européen, 1914.
9. Tiryakian E. A. The Changing Centers of Modernity // Comparative Social Dynamics; Essays in Honor of Samuel N. Eisenstadt / Ed. by E. Cohen, M. Lissak, U. Almagor Boulder, CO. Westview Press, 1985.
10. ReOrient: global economy in the Asian Age. Berkeley: University of California Press, 1998.
11. Tiryakian E. A. Sexual Anomie, Social Structure, Societal Change // Social Forces. 1981. Vol. 59. № 4.
12. Tiryakian E. A. From Underground to Convention: Sexual Anomie as an Antecedent to the French Revolution // Current Perspectives in Social Theory / Ed. by S. G. McNall. 1984. № 5. P. 289—307.